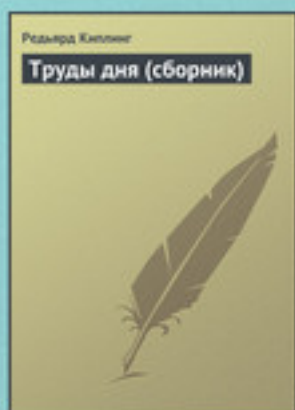

Редьярд Киплинг

На голоде

*Часть сборника
Труды дня (сборник)*

Редъярд Киплинг

На голоде

«Public Domain»

1896

Киплинг Р. Д.

На голоде / Р. Д. Киплинг — «Public Domain», 1896

«– Это официальное объявление?– Решено признать крайний недостаток припасов в данной местности и устроить вспомогательные пункты в двух округах, как говорят газеты.– Значит, будет официально объявлено, как только найдут людей и подвижной состав. Не удивлюсь, если снова наступит «Великий голод».– Не может быть, – сказал Скотт, слегка поворачиваясь в камышовом кресле. – У нас на севере урожай был хороший, а из Бомбея и Бенгалии докладывают, что не знают, что и делать с урожаем. Наверное, все успеют предусмотреть вовремя. Будет только местное бедствие...»

Содержание

Часть I	6
Конец ознакомительного фрагмента.	11

Редьярд Киплинг На голоде

*** * ***

Часть I

– Это официальное объявление?

– Решено признать крайний недостаток припасов в данной местности и устроить вспомогательные пункты в двух округах, как говорят газеты.

– Значит, будет официально объявлено, как только найдут людей и подвижной состав. Не удивлюсь, если снова наступит «Великий голод».

– Не может быть, – сказал Скотт, слегка поворачиваясь в камышовом кресле. – У нас на севере урожай был хороший, а из Бомбея и Бенгалии докладывают, что не знают, что и делать с урожаем. Наверное, все успеют предусмотреть вовремя. Будет только местное бедствие.

Мартин взял со стола «Пионера», прочел еще раз телеграмму и положил ноги на стул. Был жаркий, темный, душный вечер. Цветы в саду клуба завяли и почернели на своих стеблях; маленький пруд с лотосами превратился в круг затвердевшей глины, а тамаринды побелели от дневной пыли. Большинство посетителей стояло у оркестра в общественном саду – с веранды клуба слышно было, как туземцы-полицейские барабанили надоевший вальс, – или на площадке для игры в поло, или на обнесенном высокой стеной дворе, где играли в мяч и где было жарко, как в голландской печке. С полдюжины грумов, сидя на корточках перед своими лошадьми, ожидали господ. Время от времени какой-нибудь всадник шагом въезжал на территорию клуба и бесцельно слонялся между выбеленными бараками главного здания, в которых помещались меблированные комнаты. Люди жили в них, встречая каждый вечер все одни и те же лица, и засиживались на своей работе в конторах как можно дольше, чтобы избежать этой скучной компании.

– Что вы будете делать? – зевая, спросил Мартин. – Выкупаемся до обеда.

– Вода теплая, – сказал Скотт. – Я был сегодня в купальне.

– Сыграем на бильярде – партию в пятьдесят.

– В зале теперь жара градусов сто пять. Сидите смирно и не будьте так отвратительно энергичны.

К портику подошел верблюд, сидевший на нем всадник стал рыться в кожаной сумке.

– Куббер – каргаз – ки – иектраа, – прохныкал он, подавая экстренное приложение к газете – клочок, с отпечатанным только на одной стороне текстом, и еще сырой. Он был приколот на обитой зеленой байкой доске среди объявлений о продающихся пони и пропавших фокстерьерах.

Мартин лениво встал, прочел и свистнул.

– Объявлено! – крикнул он. – Один, два, три – восемь округов подчиняются «Голодному закону». Назначен Джимми Хаукинс.

– Хорошее дело! – сказал Скотт, в первый раз проявляя интерес. – Когда сомневаешься, нанимай пенджабца. Я работал под начальством Джимми, когда только что приехал сюда, он из Пенджаба. В нем больше толку, чем в большинстве людей.

– Джимми теперь получил титул баронета, – сказал Мартин. – Он хороший малый, хотя штатский в третьем поколении. Что за несчастные имена у этих мадрасских округов – все на унта или рунга, пиллей, или поллиум.

Подъехал догкарт, и на веранду вошел, отирая лоб, какой-то человек. То был издатель единственной газеты в главном городе провинции, населенной двадцатью пятью миллионами туземцев и несколькими сотнями белых. Так как весь его персонал состоял из него самого и одного помощника, то число его рабочих часов колебалось от десяти до двадцати в сутки.

– Эй, Рэйнес, предполагается, что вы знаете все, – сказал Мартин, останавливая его. – Чем обернется неурожай в Мадрасе?

– Никто еще ничего не знает. По телефону получено известие величиной с вашу руку. Я оставил моего помощника набирать его. Мадрас признался, что не может один справиться со всем, и Джимми, кажется, имеет полномочие набирать, кого ему угодно. Арбутнот предупрежден быть наготове.

– Арбутнот?

– Малый из Пешавура. Да, и «Пи» телеграфирует, что Эллис и Клей уже двинулись с северо-запада и взяли с собой полдюжины людей из Бомбея. По всему видно, что голод значительный.

– Они ближе к театру действий, чем мы, но если приходится так рано прибегать к Пенджабу, то, значит, дело серьезнее, чем кажется, – сказал Мартин.

– Сегодня здесь, завтра ушли. Не навеки пришли, – сказал Скотт, бросая роман Мариетта и вставая. – Мартин, ваша сестра ждет вас.

Коренастая серая лошадь выплясывала у края веранды, откуда свет керосиновой лампы падал на коричневую амазонку из бумажной материи и на бледное лицо под серой поярково шляпой.

– Правда, – сказал Мартин. – Я готов. Приходите-ка обедать к нам, Скотт, если не предвидится лучшего. Вилльям, что, дома есть обед?

– Поеду посмотрю, – послышался ответ. – Вы можете привезти его – в восемь, помните.

Скотт не торопясь прошел в свою комнату и переделался в вечерний костюм, соответствовавший времени года и стране: безупречно белого цвета с головы до ног, с широким шелковым поясом.

Обед у Мартина был, несомненно, лучше по сравнению с козленком, жесткой курицей и консервами, подававшимися в клубе. Очень жаль, что Мартин не мог отослать свою сестру в горы на время жары. Как участковый полицейский надзиратель, Мартин получал в месяц великолепное жалованье – по шестьсот обесцененных серебряных рупий, что и было заметно по его маленькому бунгало в четыре комнаты. На неровном полу лежали обычные белые с голубым полосатые ковры, изготовляемые в тюрьме; обычные драпировки из амритцарских тканей, прибитые гвоздями к белой стене; полдюжины обыкновенных стульев, не подходящих друг к другу, купленных на аукционах после смерти владельцев. Все имело такой вид, как будто было распаковано накануне и должно быть уложено на следующее утро. Ни одна дверь в доме не висела на петлях как следует. Маленькие окна на высоте пятнадцати футов были затемнены осиными гнездами, а ящерицы охотились на мух между балками крыши. Но все это составляло также часть жизни Скотта. Так жили все люди, имевшие подобный доход; и в стране, где жалованье данного человека, его возраст и положение напечатаны в книге, которую могут читать все, вряд ли стоит притворяться, как на словах, так и в поступках. Скотт служил восемь лет в ирригационном департаменте и получал восемьсот рупий в месяц при условии, что если он верно прослужит государству еще двадцать два года, то может выйти в отставку с пенсией рупий четыреста в месяц. Его рабочая жизнь, проводимая большей частью в палатке или каком-нибудь временном убежище, где человек мог только есть, спать и писать письма, была связана с открытием и охраной ирригационных каналов, управлением двумя-тремя тысячами рабочих всех каст и религий и выдачей больших сумм серебряными монетами. Этой весной он закончил – и не без успеха – последнюю часть большого Мозульского канала и – против желания, потому что он ненавидел конторскую работу – был послан на жаркое время заниматься отчетами и продовольственной частью департамента, причем ему приходилось одному заведовать отделом душевой конторы в главном городе провинции. Мартин знал это, Вилльям, его сестра, знала, и все знали.

Скотт знал, как и все остальные, что мисс Мартин приехала в Индию четыре года тому назад, чтобы вести хозяйство брата, который, как опять-таки все знали, занял деньги на ее приезд, и что она, как говорили все, должна была давно выйти замуж. Вместо того она отказала

полдюжине младших офицеров, одному штатскому на двадцать лет старше ее, одному майору и чиновнику индийского медицинского департамента. Это было также общим достоянием. Она оставалась «внизу три жарких времени года», как говорится здесь, потому что ее брат был в долгу и не мог истратить денег на ее содержание даже в самой дешевой горной станции. Поэтому ее лицо было бело, как кость, а посередине ее лба виднелся большой серебристый шрам величиной с шиллинг – признак одной болезни, распространенной в Дели. Бывает она от питья дурной воды и медленно въедается в тело, пока не обнаруживается пятнами, которые обычно прижигают едкими веществами.

Несмотря на все, Вилльям провела эти четыре года очень весело. Дважды она чуть было не утонула, когда переезжала верхом реку вброд; один раз ее понес верблюд; она присутствовала при ночном нападении воров на лагерь ее брата, видела, как правосудие выполнялось длинными палками на открытом воздухе под деревьями, могла говорить на языке урду и даже на грубом пенджабском так свободно, что старшие завидовали ей, совершенно отвыкла писать теткам в Англию или вырезать страницы из английских журналов, пережила очень плохой холерный год, когда видела то, что не годится пересказывать, закончила свои опыты шестью неделями тифа, во время которых ей обрили голову, и надеялась справиться двадцать третий год от рождения в этом сентябре. Понятно, что ее тетки не могли одобрять девушку, которая никогда не ступала ногой на землю, если вблизи бывала лошадь; которая ездила на танцы, накинув платок на платье; у которой были короткие вьющиеся волосы; которая спокойно откликалась на имя Вилльям или Биль; речь которой была усыпана цветами местного наречия; которая могла играть в любительских спектаклях, играла на банджо, управляла восемью слугами и двумя лошадьми, их счетами и болезнями и могла смотреть прямо и решительно в глаза мужчинам до и после того, как они делали ей предложение и получали отказ.

– Я люблю людей, которые делают что-нибудь, – призналась она одному из служащих в департаменте министерства народного просвещения, который обучал сыновей суконных торговцев и красильщиков красотам «Экскурсии» Уордсуорта, помещаемым в хрестоматиях, а когда он перешел к поэзии, Вилльям объявила ему, что «не очень понимает поэзию, от нее болит голова». И еще одно разбитое сердце нашло убежище в клубе. И всему этому виной была Вилльям. Она с восторгом слушала, как люди говорили о своей работе, а это самый роковой способ заставить мужчину пасть к ногам женщины.

Скотт знал ее года три, встречаясь обыкновенно в палатках, когда лагерь ее брата и Скотта стояли рядом на границе Индийской пустыни. Он много раз танцевал с ней на больших собраниях, на которых бывало около пятисот белых, приезжавших на Рождество, и он всегда питал большое уважение к тому, как она вела хозяйство, и к ее обедам.

Она имела более, чем когда-либо, мальчишеский вид. После обеда она уселась на кожаной софе и, подогнув под себя одну ногу, крутила папироски для брата, нахмутив низкий лоб под темными кудрями. Набив папиросу табаком, выставив свой круглый подбородок, жестом настоящего мальчика, швыряющего камень, она бросала готовую папироску через всю комнату Мартину, который ловил ее одной рукой, продолжая свой разговор со Скоттом. Разговор шел исключительно деловой – о каналах и об их охране, о прегрешениях поселян, которые крадут воду в большем количестве, чем платят за нее, и о еще больших прегрешениях констеблей-туземцев, потворствующих этим кражам, о перенесении деревень на новоорошенные земли и о предстоящей на юге борьбе с пустыней, когда фонд провинции гарантирует проведение давно предполагаемой системы предохранительных каналов Луни. Скотт открыто говорил о своем желании быть отправленным в известную ему местность, где ему были знакомы и почва и народ; Мартин вздыхал о получении назначения в предгорья Гималаев, а Вилльям крутила папиросы и ничего не говорила, только улыбалась с серьезным видом брату, радуясь, что он доволен.

В десять часов лошадь Скотта была доставлена к дому, и вечер закончился.

Яркий свет падал на дорогу из окон двух каменных бунгало, в которых печаталась газета. Ложиться спать было слишком рано, и Скотт заехал к издателю. Рэйнес, обнаженный по пояс, лежал в шезлонге, ожидая ночных телеграмм. У него была своя теория: он полагал, что если человек не проводит за работой целый день и большую часть ночи, он подвергается опасности захворать лихорадкой, поэтому он даже ел и пил среди своих бумаг.

– Можете вы сделать это? – сонным голосом проговорил он. – Я не рассчитывал, что вы приедете сейчас.

– О чем вы говорите? Я обедал у Мартинов.

– Ну, конечно, о голоде. Мартин также предупрежден. Людей берут отовсюду, где только могут найти их. Я только что отослал вам в клуб записку, в которой спрашиваю вас, можете ли вы посылать нам раз в неделю письмо с юга – скажем, два-три столбца. Конечно, ничего сенсационного, простые сообщения о том, кто что делает и т. д. Наша обычная плата – десять рупий за столбец.

– К сожалению, это вопрос, совершенно незнакомый мне, – ответил Скотт, рассеянно смотря на карту Индии, висевшую на стене. – Это очень тяжело для Мартина, очень. Не знаю, что он будет делать с сестрой. Не знаю, черт возьми, что будут делать и со мной. У меня нет никакого опыта относительно голода. В первый раз слышу об этом. Что же, я назначен?

– О да. Вот телеграмма. Вас назначают на вспомогательный пункт, – продолжал Рэйнес, – где толпы жителей Мадраса мрут как мухи; один местный аптекарь и полпинты холерной микстуры на десять тысяч таких, как вы. Это происходит оттого, что вы не заняты в настоящее время. Призвали, кажется, всех, кто не работает за двоих. Хаукинс, очевидно, верит в пенджабцев. По-видимому, дело примет такой скверный оборот, какого еще ни разу не было за последние десять лет.

– Тем хуже. Вероятно, завтра я получу официальное извещение. Я рад, что заглянул к вам. Теперь лучше идти домой и укладываться. Кто заменит меня здесь – вы не знаете?

Рэйнес перевернул пачку телеграмм.

– Мак-Эуан, – сказал он, – из Мурри.

Скотт рассмеялся.

– А он думал, что проведет все лето в прохладном месте. Ему это будет очень неприятно. Ну, нечего разговаривать. Спокойной ночи.

Два часа спустя Скотт с чистой совестью улегся на веревочной койке в пустой комнате. Два потертых чемодана из телячьей кожи, кожаная бутылка для воды, жестяной ящичек для льда и любимое седло, зашитое в чехол, были свалены в кучу у двери, а расписка секретаря клуба об уплате месячного счета лежала у него под подушкой. Приказ пришел на следующее утро и вместе с ним неофициальная телеграмма от сэра Джемса Хаукинса, который не забывал хороших людей. В телеграмме он предлагал Скотту отправиться как можно скорее в какое-то неудобнопроизносимое место в тысяче пятистах милях к югу, потому что там голод силен и нужны белые люди.

В самый раскаленный полдень явился розовый, довольно толстый юноша, слегка жаловавшийся на судьбу и голод, не дававшие отдохнуть хотя бы три месяца. Это был заместитель Скотта – другой винт механизма, двинутый вслед за своим сослуживцем, услуги которого, как говорилось в официальном сообщении, «отдавались в распоряжение мадрасского правительства для исполнения обязанностей по борьбе с голодом до следующего распоряжения». Скотт передал ему находившиеся у него суммы, показал ему самый прохладный угол в конторе, предупредил его, чтобы он не проявлял излишнего усердия, и, когда наступили сумерки, уехал из клуба в наемном экипаже со своим верным слугой Фезом Уллой и кучей безобразно наваленного багажа наверху, чтобы попасть на южный поезд, отходивший от станции, похожей на бастион с амбразурами. Жара, исходившая от толстых кирпичных стен, ударила ему в лицо, словно горячим полотенцем, и он подумал, что ему предстоит путешествовать по такой жаре,

по меньшей мере, пять ночей и четыре дня. Фез Улла, привыкший ко всяким случайностям службы, нырнул в толпу на каменной платформе, а Скотт с черной трубкой в зубах дожидался, пока ему отведут купе. С дюжину туземных полицейских с ружьями и узлами протиснулись в толпу пенджабских фермеров, сейков-ремесленников, афридийских торговцев с жирными кудрями. Полицейские торжественно сопровождали чехол с мундиром Мартина, бутылки с водой, ящик со льдом и сверток с постельным бельем. Они увидели поднятую руку Феза Уллы и направились к ней.

– Мой сахиб и ваш сахиб, – сказал Фез Улла слуге Мартина, – будут путешествовать вместе. Ты и я, о брат, достанем себе места для слуг вблизи них, и, благодаря значению наших господ, никто не посмеет беспокоить нас.

Когда Фез Улла доложил, что все готово, Скотт уселся без сюртука и без сапог на широкой скамье, покрытой кожей. Жара на станции под крышей с железными арками была гораздо больше ста градусов. В последнюю минуту вошел Мартин, разгоряченный и обливавшийся потом.

– Не ругайтесь, – лениво сказал Скотт, – слишком поздно менять купе, а льдом мы будем делиться.

– Что вы здесь делаете? – спросил Мартин.

– Дан в долг мадрасскому правительству, как и вы. Клянусь Юпитером, ужасная ночь! Вы берете кого-нибудь из своих людей?

– Дюжину. Надо полагать, что мне придется руководить раздачей провизии. Я не знал, что и вы получили назначение.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.